

Д.Н. Овсяннико-Куликовский

Гоголь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.Н. Овсяннико-Куликовский**
Гоголь / Д.Н. Овсяннико-Куликовский – М.: Книга по Требованию, 2015. –
234 с.

ISBN 978-5-518-01394-0

ISBN 978-5-518-01394-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

Биографическій очеркъ и обзоръ литературной дѣятельности Гоголя.

I.

Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій происходилъ изъ старинной украинской фамилии. Его отецъ, Василій Афанасьевичъ (род. въ 1780 г.) женился въ 1808 г. на Маріи Ивановнѣ Косярковской, дочери харьковскаго губернскаго почтмейстера. Ихъ первенецъ, будущій великій писатель, родился въ м. Сорочинцахъ (Полтав. губ.) 19 марта 1809 г. До десяти лѣтъ онъ учился дома (въ деревнѣ), а послѣ того, въ 1819 г. его помѣстили, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Иваномъ ¹⁾, у учителя Спасскаго, въ Полтавѣ; братья готовились къ поступленію въ гимназію. Въ 1820 былъ открытъ въ Нѣжинѣ лицей высшихъ наукъ, кн. Безбородко, при лицей была и гимназія, куда Гоголь и поступилъ въ 1821 г. Въ 1828 г. онъ окончилъ курсъ (гимназіи и высшихъ наукъ), не давшій ему сколько-нибудь серьезныхъ знаній. Въ декабрѣ (того же года), запасшись рекомендаціями, онъ отправился въ Петербургъ искать службы.

---

¹⁾ Онъ вскорѣ умеръ.

мѣстомъ) и внезапно возгорѣвшаяся любовь заставили его „бѣжать отъ самого себя“, и наконецъ, что во всемъ этомъ явно сказывается перстъ Провидѣнія... Неудачи, о которыхъ онъ говорить, едва ли могли побудить его къ бѣгству „отъ самого себя“. Неудача съ „идилліей“ (о чемъ онъ умалчиваетъ) также не была достаточнымъ основаніемъ для бѣгства. Что же касается любви, то, какъ это дознано, онъ просто выдумалъ ее: никакой любви не было ¹⁾. Здѣсь впервые мы встрѣчаемся съ одною изъ тѣхъ выдумокъ, какихъ не мало находятъ въ письмахъ Гоголя...

Итакъ, онъ вдругъ бросилъ все и уѣхалъ. Онъ отправился моремъ и 1-го августа (1829) былъ уже въ Любекѣ, откуда опять пишетъ матери, приводя уже новую причину отъѣзда: онъ былъ боленъ, на лицѣ и на рукахъ обнаружилась сыпь, доктора посовѣтовали ему „пользоваться водами“ въ Травемюнде, въ 18 верстахъ отъ Любека. Позже его пріятель А. С. Данилевскій, съ которымъ онъ жилъ въ Петербургѣ въ одной квартирѣ, сообщалъ, что никакой сыпи у Гоголя не было, и что онъ поѣхалъ тогда вовсе не лечиться, а думалъ совсѣмъ покинуть Россію и уѣхать въ Америку. Тѣмъ не менѣе бѣглець все-таки побывалъ въ Травемюнде, откуда черезъ три дня вернулся въ Любекъ. Изъ Любека онъ поѣхалъ въ Гамбургъ, а оттуда направился въ обратный путь—въ Петербургъ—опять искать мѣста и пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Всего пропутешествовалъ онъ три мѣсяца. Страсть къ странствованіямъ на сей разъ была временно удовлетворена: Гоголь вернулся освѣженнымъ...

---

¹⁾ Въ указанномъ письмѣ (24 іюля 1829) онъ говоритъ: „Наконецъ... какое ужасное наказаніе! Ядовитѣе и жесточе его для меня ничего не было въ мірѣ! Я не могу, я не въ силахъ написать... Но я видѣлъ ее... нѣтъ, не назову ея... Она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня... Нѣтъ, это не любовь была... я по крайней мѣрѣ не слыхалъ подобной любви. Въ порывѣ бѣшенства и ужасныхъ душевныхъ терзаній я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ...“

Хлопоты по присканію мѣста возобновились, и въ слѣдующемъ, 1830 году, Гоголь поступаетъ на службу въ министерство удѣловъ. Литературныя занятія идутъ своимъ порядкомъ. Въ „Отеч. Зап.“ (Свиньина) онъ помѣщаетъ первый опытъ „малороссійской повѣсти“—„Басаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“ (фѣвр. и мартъ 1830 г.), безъ подписи. Въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“ онъ печатаетъ отрывки изъ историческаго романа, въ „Литературной Газетѣ“—главу изъ повѣсти „Учитель“, статью „Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи“, статью „Женщина“ (1831). Съ тѣмъ вмѣстѣ завязываются у него связи съ литературными кругами. Плетневъ знакомитъ его съ Пушкинымъ и Жуковскимъ и покровительствуетъ ему на педагогическомъ поприщѣ (въ томъ же 1831 г. Гоголь оставляетъ службу въ министерствѣ удѣловъ и получаетъ мѣсто преподавателя исторіи въ Патріотическомъ институтѣ). Лѣтомъ 1831 года вышла въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ I-ая часть „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Незадолго передъ тѣмъ знакомство Гоголя съ Пушкинымъ уже перешло въ интимныя, дружескія отношенія. Пушкинъ сразу оцѣнилъ дарованіе Гоголя и полюбилъ его, какъ новую надежду русской литературы, какъ ея будущую славу. Великій поэтъ не упускалъ случая, гдѣ только можно было, помочь начинающему писателю, ободрить, поощрить самолюбиваго и застѣнчиваго „хохла“. Онъ же, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, въ томъ же 1831 году ввели Гоголя въ домъ А. О. Росеттъ (потомъ, по мужу Смирновой), гдѣ собирався интимный кружокъ писателей и цвѣтъ мыслящаго общества. Извѣстныя „Записки“ гостепріимной хозяйки („Записки А. О. Смирновой“, изданіе редакціи „Сѣверн. Вѣстн.“, С.-Петербург. 1895), такъ долго лежавшія подъ спудомъ и обнародованныя лишь въ 90-хъ годахъ, даютъ намъ наглядное представленіе о бесѣдахъ и спорахъ, какіе велись въ этомъ кружкѣ, гдѣ первыя роли были распределены между Пушкинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ, А. И. Тургеневымъ и др.

Для Гоголя это была настоящая школа. И это былъ лучший, счастливѣйшій періодъ его жизни, когда развитіе его гениальнаго дарованія шло впередъ гигантскими шагами и столь же быстро росла его слава, и когда въ общеніи съ лучшими умами тогдашняго Петербурга, и прежде всего съ Пушкинымъ, онъ имѣлъ возможность отвлечься отъ вѣчнаго самоуглубленія, обогатить свою мысль новыми идеями, набраться новыхъ, освѣжающихъ впечатлѣній и, наконецъ, просто пополнить пробѣлы своего образованія.

А. О. Росеттъ уже слышала о Гоголѣ. Онъ интересовалъ ее и какъ писатель, и какъ „хохолъ“. Александра Осиповна была уроженкой Малороссіи и сохранила привязанность къ своей родинѣ: „Я непремѣнно хочу видѣть этого упрямаго хохла, поговорить съ нимъ объ Украинѣ, обо всемъ, что мнѣ такъ дорого. Я просила Плетнева сказать ему, что я также хохлячка...“ („Записки“, ч. I, стр. 41)—пишетъ она, и вскорѣ заноситъ въ дневникъ, что „наконецъ-то Сверчокъ и Бычокъ¹⁾, мои два арзамасскіе звѣря, привели ко мнѣ Гоголя-Яновскаго...“ (41).

Въ мартѣ 1832 года вышла 2-ая часть „Вечеровъ на хуторѣ“. Лѣтомъ того же года Гоголь предпринялъ поѣздку въ Малороссію. Проѣздомъ въ Москвѣ онъ познакомился съ Погодинымъ, С. Т. Аксаковымъ и знаменитымъ актеромъ М. С. Щепкинымъ. Съ этими лицами онъ сохранилъ дружескія связи до конца жизни. Вернувшись въ Петербургъ осенью, Гоголь принялся за обработку задуманныхъ имъ новыхъ произведеній, продолжая въ то же время свою преподавательскую дѣятельность въ патріотическомъ институтѣ. Онъ набрасываетъ планъ большого историческаго и географическаго труда подъ заглавіемъ: „Земля и люди“ и въ то же время испытываетъ свои силы въ области комедіи. Задуманная пьеса называлась „Владиміръ 3-ей степени“. Но, повидимому, Гоголь не довелъ эту работу до конца и

---

¹⁾ Т. е. Пушкинъ и Жуковскій.

уничтожилъ написанное. Остались отрывки, которые онъ назвалъ „доскутками истраченной пьесы“, и которые потомъ, въ переработанномъ видѣ, были изданы подъ заглавіями: „Тяжба“, „Утро дѣловаго человѣка“, „Лакейская“.

Въ теченіе 1833—1834 г.г. Гоголь написалъ рядъ замѣчательныхъ произведеній, въ которыхъ открылись новыя стороны его дарованія. Это были: „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Тарасъ Бульба“, „Вій“: Въ 1835 году они вышли въ свѣтъ въ сборникѣ „Миргородъ“ (въ двухъ частяхъ). Этотъ сборникъ окончательно упрочилъ репутацію Гоголя. Погодинъ писалъ (въ „Москов. Наблюдателѣ“), что „на горизонтѣ русской словесности восходитъ новое свѣтило“. Смирнова заноситъ въ свой дневникъ: „Гоголь приходилъ читать Миргородъ. Надъ Пульхеріей Ивановной плакали...“ („Зап.“, I, 51). Нѣсколько позже (въ 1836 г.), Пушкинъ, по поводу 2-го изданія „Вечеровъ на хуторѣ“, писалъ въ „Современникѣ“: „... съ жадностью всѣ прочли и „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и „Тараса Бульбу“, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Гоголь идетъ еще впередъ...“ Почти одновременно съ „Миргородомъ“ вышли и „Арабески“, сборникъ различныхъ статей Гоголя („Скульптура, живопись и музыка“, „О среднихъ вѣкахъ“, „О преподаваніи всеобщей исторіи“, „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“, „Объ архитектурѣ нынѣшняго времени“ и нѣкоторыя другія) ¹⁾, къ которымъ авторъ присоединилъ два художественныхъ произведенія огромной цѣнности: „Невскій проспектъ“ и „Записки сумасшедшаго“. Въ вышеупомянутой рецензіи Пушкинъ говоритъ, между прочимъ, что послѣ „Вечеровъ на хуторѣ“ Гоголь „непрестанно развивался и

---

¹⁾ Большая часть ихъ была написана еще въ 1832 г. и напечатана въ повременныхъ изданіяхъ.

совершенствовался. Онъ издалъ „Арабески“, гдѣ находится его „Невскій проспектъ“,—самое полное изъ его произведеній...“

Въ 1834 году Гоголь занялъ кафедру всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Какъ извѣстно, его профессорская дѣятельность оказалась очень неудачной. Онъ не имѣлъ надлежащей подготовки, и даже студенты скоро замѣтили, что онъ просто не знаетъ своего „предмета“. Интересовался онъ, по преимуществу, средними вѣками и исторіей Малороссіи, и въ этихъ областяхъ успѣлъ приобрести нѣкоторую эрудицію. Мнѣніе С. А. Венгерова, что Гоголь все-таки былъ, по тому времени, профессоръ не хуже многихъ, заслуживаетъ вниманія. Его вступительная лекція (1834) „О среднихъ вѣкахъ“ (напеч. въ сент. кн. „Журн. мин. народн. просвѣщ.“ того же года и потомъ перепечатанная въ „Арабескахъ“) во всякомъ случаѣ произведеніе не заурядное. Отзывъ Никитенки о профессорской дѣятельности Гоголя, занесенный въ его „Дневникъ“ подъ 21 февраля 1835 года, слишкомъ суровъ, хотя и заключаетъ въ себѣ много вѣрнаго. Здѣсь же Никитенко отмѣчаетъ извѣстную черту въ характерѣ Гоголя: его необычайное самомнѣніе и горделивое самочувствіе. „Что же вышло?“—пишетъ Никитенко.—„Синица явилась зажечь море— и только. Гоголь такъ дурно читаетъ лекціи въ университетѣ, что сдѣлался посмѣшищемъ для студентовъ. Начальство боится, чтобы они не выкинули надъ нимъ какой-нибудь шалости... Попечитель призвалъ его къ себѣ и очень ласково объявилъ ему о непріятной молвѣ, распространившейся о его лекціяхъ. На минуту гордость его уступила мѣсто горькому сознанію своей неопытности и безсилія. Онъ былъ у меня и признался, что для университетскихъ чтеній надо больше опытности“... „Хотя, послѣ замѣчанія попечителя, онъ долженъ былъ перемѣнить свой надменный тонъ съ ректоромъ, деканомъ и прочими членами университета, но въ кругу „своихъ“ онъ все тотъ же все-

знающій, глубокомысленный, гениальный Гоголь, какимъ былъ до сихъ поръ...” (А. В. Никитенко, „Записки и Дневникъ“, изд. 2-ое, (1904. С.-Петербург.), т. I, стр. 263—264).

Сохранились и другія—столь же неблагоприятныя—свидѣтельства о профессурѣ Гоголя, въ томъ числѣ и воспоминанія И. С. Тургенева, который былъ тогда студентомъ петербургскаго университета и слушалъ лекціи Гоголя. Но есть одно свидѣтельство и въ пользу Гоголя-профессора, относящееся къ его вступительной лекціи. Одинъ изъ его слушателей Иваницкій вспоминаетъ, что Гоголь очень волновался и робѣлъ въ началѣ этой лекціи, но „мысль, высказываемая имъ, развивалась совершенно логически и въ самыхъ блестящихъ формахъ... Не знаю, прошло ли и пять минутъ, какъ уже Гоголь овладѣлъ совершенно вниманіемъ слушателей. Невозможно было спокойно слѣдить за его мыслью, которая летѣла и преломлялась, какъ молнія, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи...” Иваницкій утверждаетъ, что Гоголь выучилъ всю лекцію наизусть ¹⁾).

Нѣтъ сомнѣнія, что современники (въ томъ числѣ и Бѣлинскій) не оцѣнили по достоинству статей Гоголя по исторіи и по искусству. А между тѣмъ онѣ выгодно отличались отсутствіемъ школьной схоластики и самостоятельностью, а порою и глубиной мысли. Никитенко порицаетъ самый слогъ Гоголя въ этихъ статьяхъ, находя его напыщеннымъ и риторичнымъ. Онѣ дѣйствительно написаны въ приподнятомъ тонѣ, но ихъ стиль нельзя не назвать блестящимъ ²⁾).

Заняться серьезно наукой и сдѣлаться хорошимъ профессоромъ помѣшало Гоголю, во-первыхъ, сознаніе, что онъ сдѣлалъ ошибку, взявшись не за свое дѣло, а во-вторыхъ,

---

¹⁾ См. у В. И. Шенрока («Матеріалы», II, 228 и сл.) и у Н. А. Котляревскаго («Н. В. Гоголь», стр. 125—126).

²⁾ Справедливая оцѣнка этихъ и другихъ статей сдѣлана Н. А. Котляревскимъ, см. стр. 137—146 книги «Н. В. Гоголь».

внушение его художническаго генія, отвлекавшаго его мысль совсѣмъ въ другую сторону. Художественная работа продолжалась почти непрерывно. Въ теченіе тѣхъ же годовъ (1832—1836) онъ задумалъ и частью написалъ рядъ повѣстей, въ числѣ которыхъ мы находимъ такую первостепенную вещь, какъ „Шинель“, и такое, въ своемъ родѣ значительное, при всѣхъ недостаткахъ, произведеніе, какъ „Портретъ“ (въ первой редакціи). Кромѣ этихъ вещей, онъ написалъ рассказы „Носъ“ и „Коляска“. Правда, повѣсть „Шинель“ была только задумана въ 1834 году (написана позже, въ 1839—1841 г.г.); „Портретъ“ подвергся впоследствии радикальной передѣлкѣ. Но эти темы уже занимали его умъ, отвлекая отъ университетскихъ лекцій, къ которымъ онъ охлаждѣлъ. Кромѣ повѣстей, онъ работаетъ въ это время и надъ пьесами. Въ 1835 году написана „Женитьба“ и въ этомъ же году принимается онъ за „Ревизора“—на сюжетъ, сообщенный ему Пушкинымъ. Въ 1836 году (въ январѣ) Гоголь уже читаетъ „Ревизора“ у Жуковскаго, потомъ у Смирновой въ присутствіи великаго князя Михаила Павловича, и Смирнова уже старается, при содѣйствіи Жуковскаго и Пушкина, провести пьесу на сцену черезъ дворецъ: императоръ Николай Павловичъ, благодаря стараніямъ Смирновой, заинтересовался комедіей и ея авторомъ. „Ревизоръ“ очень понравился императору и онъ приказалъ, минуя цензуру, поставить пьесу.

Но перечисленными произведеніями не ограничивалась литературная дѣятельность Гоголя въ разсматриваемую эпоху: въ томъ же 1835 году онъ принимается за величайшее свое произведеніе—за „Мертвыя души“, сюжетъ которыхъ также данъ былъ ему Пушкинымъ. Въ 1836 г. первыя главы уже написаны, и Гоголь читаетъ ихъ у Смирновой въ присутствіи Пушкина, Жуковскаго и др.

Такова была, можно смѣло сказать, гигантская художественная работа, совершенная Гоголемъ въ первой половинѣ 30-хъ годовъ. Не мудрено, что для профессорской

дѣятельности не оставалось ни времени, ни силъ. Въ концѣ 1835 года Гоголь подаетъ въ отставку. Въ письмѣ къ Погодину (въ дек. 1835 г.) онъ говоритъ: «Я расплевался съ университетомъ, и черезъ мѣсяць опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на кафедру и неузнанный схожу съ нея...» Это одна изъ тѣхъ выходокъ Гоголя, которыя отзывались своего рода «хлестаковщиной». Но то, что говоритъ онъ дальше, дышитъ глубокой правдой и оправдывается его гениальною работою художника: «...въ эти полтора года—годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говорить, что я не за свое дѣло взялся,—я много вынесъ отсюда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня...» Очень гордо и очень нескромно звучатъ эти слова, но они говорятъ правду, ибо для созданія такихъ вещей, какъ „Портретъ“, „Шинель“, „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“ нужно было имѣть въ запасѣ много глубокихъ и скорбныхъ думъ, нужно было обладать гениальною интуиціею поэта.

Постановка „Ревизора“ (19 апр. 1836 г.) была въ одно и то же время и триумфомъ Гоголя, и принесла ему великія огорченія. Лучшая часть общества придавала пьесѣ значеніе крупнаго общественнаго событія. Никитенко, не долголюбивавшій Гоголя, признаетъ, что „Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, произведенное его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накопляются въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка вещей“ („Записки и дневникъ“, подъ 28 апр. 1836 г.). Отсталая часть общества и литературная клика, враждебная Гоголю (Сенковский, Булгаринъ, частью Полевой и др.), рѣзко порицали пьесу и осыпали ея автора упреками или бранью. Никитенко сообщаетъ, что графъ Канкринъ послѣ перваго представленія выразился такъ: „Стоило ли ѣхать смотрѣть эту глупую фарсу“,—и что „многіе полагаютъ,

что правительство напрасно одобряетъ эту пьесу, въ которой оно такъ серьезно порицается“ („Зап. и дневникъ“, тамъ же). Общество расколосось, пошли споры, поднялся шумъ, и все это произвело на болѣзненно-чуткую натуру Гоголя самое удручающее впечатлѣніе. Когда шли хлопоты о постановкѣ пьесы въ Москвѣ, Гоголь писалъ артисту Щепкину (23 апр. 1836 г.): „Дѣлайте, что хотите, съ моей пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ и хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня... бранятъ и ходятъ на пьесу: на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ“.

Имѣ опять, какъ нѣкогда въ 1829 г., овладѣло стихійное стремленіе бѣжать. Уже въ маѣ 1836 г. онъ дѣлаетъ приготовленія къ отбѣзду за границу, о чемъ и извѣщаетъ свою мать и друзей (Погодина, С. Т. Аксакова и др.). Наконецъ, 6 іюня того же года онъ, вмѣстѣ съ Данилевскимъ, двинулся въ путь...

Петербургскій періодъ жизни и творчества Гоголя окончился, и начался первый *заграничный періодъ*, длившійся, съ перерывами, до 1841 года, когда Гоголь пріѣхалъ въ Россію для хлопотъ по изданію первой части «Мертвыхъ Душъ». Эти годы (1836—1841) заграничныхъ скитаній почти цѣликомъ пошли на обработку великой поэмы въ тѣхъ ея частяхъ, которыя были написаны раньше, и на ея продолженіе (окончаніе первой части и писаніе второй). Объ этой работѣ Гоголя надъ «Мертвыми Душами» и о его настроеніяхъ, сопровождавшихъ работу, мы будемъ говорить въ главѣ III-ей. Здѣсь отмѣчу только важнѣйшія событія этой эпохи въ жизни Гоголя. Въ ряду этихъ событій первое мѣсто должно быть отведено смерти Пушкина, извѣстіе о которой произвело на Гоголя ошеломляющее впечатлѣніе, что онъ и выразилъ въ своихъ письмахъ къ Погодину и Плетневу (выдержки будутъ приведены въ главахъ II-й и